

ВЕЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН

Процессы великого расселения славян в середине I тыс. необходимо оценивать не только с позиций освоения ими новых территорий и славянизации субстратного населения. Продвигаясь на север и северо-восток, на юг и запад, уже в то время разные славянские племенные группы смешивались с неславянским населением и вместе формировали новые этнические образования, относительно их славянских племенных союзов, что остались на исторической прародине. В статье доказывается, что эпоха великого расселения славян одновременно является эпохой зарождения трех восточнославянских этносов: белорусского, русского и украинского, как и юго-западнославянских народов. Киевское государство во главе с династией Рюриковичей не остановило, а лишь замедлило процессы формирования трех частей западного славянства, начало которых совпадает с эпохой великого переселения народов. Разгром монголо-татарами уже разных в то время (XII—XIII вв.) самостоятельных княжеств восточного славянства, попавших в состав разных государств, не начал, а лишь усилил и привел к завершению процессы восточнославянского народообразования.

V. D. Baran

THE GREAT DISPERSION OF THE SLAVS

Processes of the great dispersion of the Slavs in the mid of the 1st millennium should be analyzed not only from the standpoint of assimilation of new territories and slavification of the substrate population. Moving to the north and north-east, to the south and to the west different groups of Slavic tribes by that moment mixed up with non-Slavic population formed new ethnic groups with respect to those which remained in their historical pra-motherland. It is proved that the epoch of the great dispersion of the Slavs is simultaneously the period of birth of three east-Slavic ethnic groups: Byelorussian, Russian and Ukrainian peoples, as well as of south-west-Slavic peoples. The Kiev state headed by the dynasty of the Rurikovichs did not halt but only made somewhat slower the processes of formation of three parts of east-Slavic peoples; the onset of those processes comes back to the epoch of the great migration of peoples. Different and independent at that time (the 12th — 13th cent.) principalities of the east Slavs which found themselves within different states were crushed by the Mongols-Tatars. That defeat did not give rise to, but only intensified and led to completion processes of the east-Slavic peoples' formation.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ I — НАЧАЛА II ТЫС.

О. В. Сухобоков

В статье на основании анализа материалов археологических памятников рассматриваются вопросы этнокультурной истории Левобережной Украины I — начала II тыс. н. э., формирования восточнославянского (древнерусского) этнического массива.

Вопросы истории населения Среднего Поднепровья и Левобережной Украины рассматриваемого времени занимали видное место в научном творчестве академика Б. А. Рыбакова, что нашло отражение в многочисленных трудах юбиляра, приложившего немало сил как на археологическом, так и на чисто историческом уровнях их разработки. В этом плане Б. А. Рыбаков принадлежит к числу

© О. В. СУХОБОКОВ, 1998

тех славистов, которые доказали аутентичность сообщений «Повести временных лет» о ранней истории славян и их расселении в Восточной Европе, что относится как к Украине в целом, так и Днепровскому Левобережью в частности. О населении же последнего летопись скудно сообщает: «...а друзии сѣдеша по Дѣсне, и по Семи, и по Сульѣ, и нарѣкошася Сѣверѣ...».

Уточнению границ племенной территории и этнографической специфики летописных северян в контексте изучения предыстории древнерусского государства посвящено несколько отдельных работ и разделы монографий Б. А. Рыбакова, которые еще в конце 30—40-х гг. наметили круг вопросов раннеславянской проблематики¹, их разработка в последующие годы во многом определила нынешнее состояние археологического уровня исследований «племенной» проблемы вообще и северян Левобережной Украины в частности.

Проведенные в этом регионе полевые исследования показали, что его население в I и начале II тыс. представляют памятники ряда археологических культур (АК). Это зарубинецкая культура в ее классическом (ЗК) и позднем проявлении (ПЗК), синхронные киевская и черняховская (КК и ЧК) для первой половины I тыс., колочинская и пеньковская (КЛК и ПНК) для его середины, волынцевско-роменская (ВРК) и салтово-маяцкая (СМК), а также древнерусская культуры, нижняя граница которых лежит в последней трети I тыс. (рис. 1).

Не пытаясь пересказывать здесь различные точки зрения на этническую атрибуцию каждой из названных археологических культур и их хронологические соотношения, следует отметить, что большинство специалистов склонны признавать их славянскую принадлежность. При этом обнаруживается довольно широкий спектр мнений относительно генетических связей между ними, исчерпывающий анализ которых содержится в последних (1994 г.) монографиях В. В. Седова², что избавляет автора от подробного рассмотрения этих вопросов, полагаясь на разработки специалистов, взгляды которых представляются достаточно аргументированными.

Так, согласно Р. В. Терпиловскому достаточно определенно выступает генетическая связь между левобережными группами памятников ПЗК и КК, что не противоречит наличию элементов ЧК в киевской культуре; в пеньковской же черты черняховской культуры являются весомой составляющей; к тому же представляется вполне доказанным происхождение КЛК и ПНК от киевской культуры³ (рис. 1, 1—4).

Из археологических культур последней трети I тыс. только СМК по этническому содержанию принадлежит к тюркско-аланским и угро-финским племенам, ставшим этнической основой Хазарского каганата. Как известно, под его властью находились и славяне Среднего Поднепровья, и, прежде всего, обитатели Левобережноднепровской Лесостепи — северяне, археологическим эквивалентом которых выступают памятники ВРК, широко датируемые в рамках рубежа VII—VIII — нач. XI вв. Ее ареал граничит с территорией СМК в бассейне Северского Донца⁴ и почти полностью хронологически совпадает с последней. Лишь в конце X в. начинается постепенная смена памятников роменского этапа ВРК культурой древнерусского государства (ДРК), существование которой трагически обрывается в 30-е гг. XIII в. (рис. 1, 5—6).

Волынцевские и роменские, роменские и древнерусские памятники имеют определенные периоды сосуществования во времени практически в рамках одной и той же территории, что является существенным аргументом в пользу непрерывности историко-культурного развития славянского населения Левобережной Украины во второй половине I тыс. Проблемы хронологии вышеназванных групп археологических древностей требуют особого рассмотрения в отдельной работе, однако избежать их, говоря об этнокультурных процессах на протяжении довольно значительного отрезка времени, невозможно, тем более когда речь идет о предгосударственном периоде.

Принадлежность левобережных памятников древнерусского периода восточнославянскому этносу не вызывает сомнений; изучение древностей роменского этапа ВРК показывает, что они хронологически увязываются с ДРК, а их славянская атрибуция также несомненна. Сложнее обстоит дело с волынцевскими памятниками и их соотношением с древностями предшествующего времени на рассматриваемой территории, как и с их отношением к памятникам

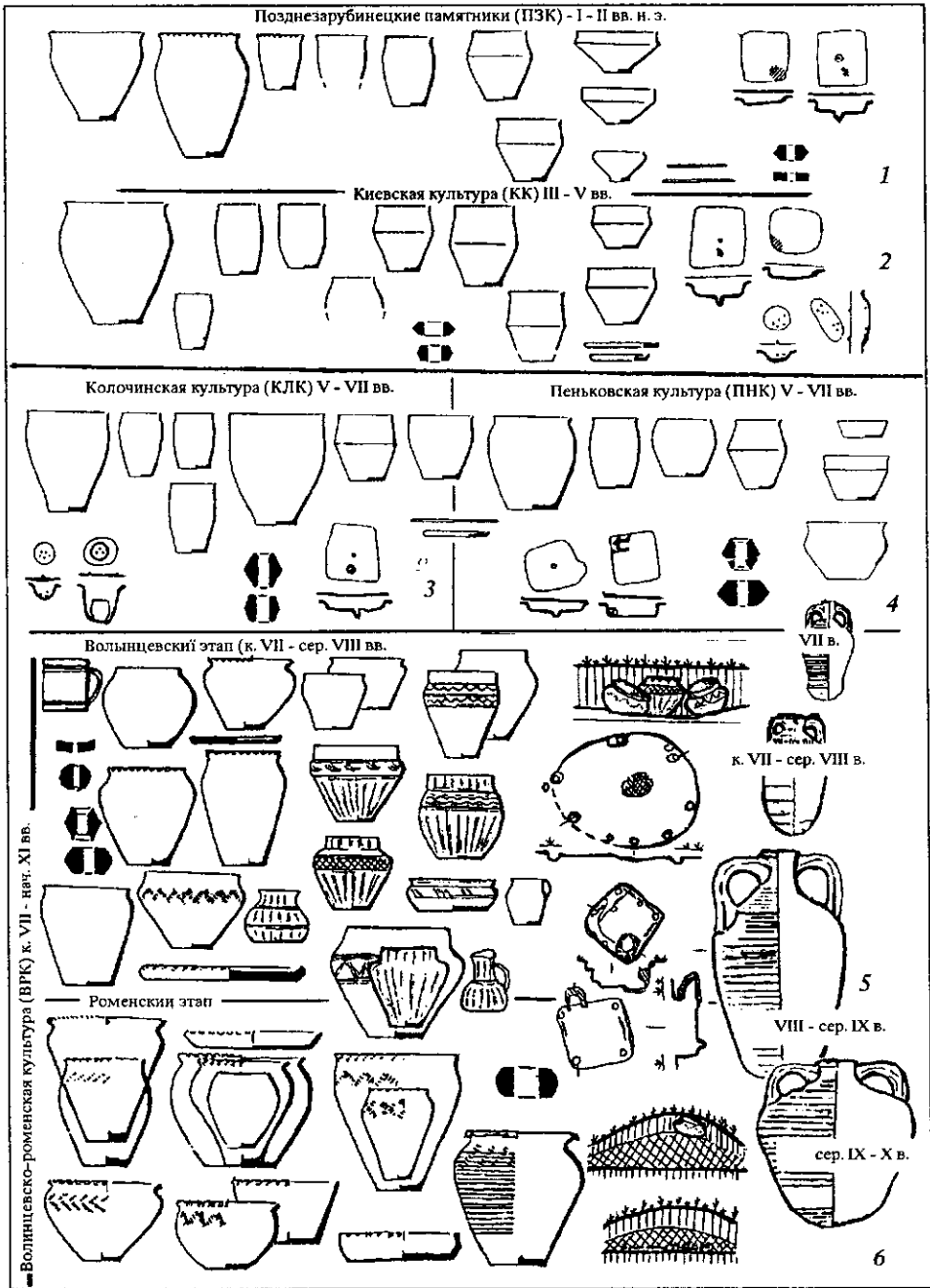

Рис. 1. Археологические культуры славянского населения Левобережной Украины в I тыс.: 1—4 — по Е. А. Грюнову и Р. В. Терпиловскому; 5, 6 — по О. В. Сухобокову и С. П. Юренко.

роменского этапа ВРК. Так, по мнению некоторых исследователей роменская культура на Левобережной Украине не является автохтонной (П. Н. Третьяков); другие же (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин) вообще отрицали здесь славян вплоть до VIII в. включительно. Близкой точки зрения придерживался Л. Н. Гумилев, согласно которому Левобережная Лесостепь до образования Хазарского каганата была занята тюркскими (булгарскими) племенами, однако указать археологические памятники, которые бы представляли тюрков в этом регионе, он и не пытался⁵. Такую попытку в свое время предпринял М. И. Артамонов, «Археология», № 2, 1998 г.

рассматривая волынцевские и синхронные им пастырские древности вместе с ПНК в качестве болгарских по этнической принадлежности⁶, однако не нашел поддержки у археологов-славистов. По мнению М. Ю. Брайчевского волынцевские и пастырские памятники имеют корни в ЧК и являются «подлинной культурой начальной Руси»; развивая тезис о безусловном славянстве черняховской культуры, также славянскими он считал и памятники названных групп⁷.

Славянскими в своей основе считал волынцевские памятники В. В. Седов, который относил их специфические черты на счет ираноязычного населения Днепровского Левобережья, некогда входившего в состав носителей ЧК; эту мысль он подкрепляет данными археологии и гидронимии, но, к сожалению, не указывает конкретных археологических памятников, которые можно было бы связать с этим ираноязычным контингентом на данной территории.

Критическому рассмотрению всех этих точек зрения был посвящен один из разделов монографии автора данных строк; здесь же приходится вновь обратиться к нему, чтобы акцентировать положение о том, что большинство известных специалистов считали волынцевские и роменские памятники безусловно славянскими, северянскими по племенной принадлежности⁸.

Однако в последнее время В. В. Седов резко изменил свои взгляды на этнокультурную историю Левобережной Украины второй половины I тыс., результатом чего явилась серия публикаций, в которой настойчиво пропагандируется тезис о генетической связи волынцевских древностей с памятниками именьковской культуры, распространенной в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Эта гипотеза получила своих сторонников и среди украинских специалистов⁹; однако она не так уж и нова: еще в начале 60-х гг. ее высказал А. П. Смирнов в связи с раскопками урнового грунтового могильника с трупосожжением на стороне близ с. Рождественно на Волге¹⁰.

По В. В. Седову, волынцевские памятники появляются в Среднем Поднепровье как результат одномоментного переселения именьковских племен из территории своего обитания, что якобы имело место на рубеже VII—VIII вв. Это обосновывается, главным образом, кажущимся сходством керамического комплекса и некоторых деталях погребального обряда. Речь идет о горшках с коническим корпусом, вертикально поставленным высоким венчиком, присутствующим в обеих группах памятников. Необходимо заметить, что традиция изготовления подобных форм горшков имеет место в Поднепровье с начала I тыс., например в древностях ПЗК (Почеп), имеются они и в керамическом комплексе КК; подобные формы не чужды керамике КЛК и ПНК. Можно утверждать, что эти формы на Левобережной Украине появляются значительно ранее волынцевских памятников. К этому нужно добавить, что в керамическом комплексе собственно волынцевских древностей горшки названных форм не являются ведущей категорией посуды, а также и то, что весьма существенно, изготовлены они преимущественно в гончарной технологии в отличие от именьковских аналогов. Не лишне указать и на такую, так сказать, деталь, каковой является своеобразная орнаментация гончарных волынцевских горшков и мисок, которая отсутствует в именьковской керамике вообще, как в технике, так и в элементах декора.

Что же касается сходства основных черт погребальной обрядности, отмечу — это, прежде всего, относится к широко распространенному среди разных (и не только славянских) племен обычаю сожжения умершего на стороне; все остальные детали волынцевских и именьковских погребений обнаруживают существенные отличия. Так, например, в именьковских могильниках прах умершего рассеивали по дну могильной ямы, иногда ссыпали кучкой, но никогда не помещали в урну, в то время как волынцевские погребения преимущественно урновые; к тому же, для волынцевских могильников характерно отсутствие отдельных ям: урны устанавливались в дерновом слое. Предметы личного убора последних имеют следы воздействия погребального костра, чего нельзя сказать относительно инвентаря именьковских погребений.

Не менее существенны и отличия в домостроительстве: на волынцевских поселениях ведущим типом жилища являются полужемлянки подпрямоугольной формы и отсутствуют «большие» дома наземного типа, свойственные именьковским; неизвестны в волынцевских жилищах печи-каменки — отопительные устройства в именьковских постройках. Вместо этого для первых ха-

рактарны печи, вырезанные в материковых останцах или же в виде подбоев. Последние, кстати, совершенно неизвестны в именьковских жилищах. Следует заметить, что именно они являются специфическим признаком жилищ волынцевского этапа ВРК.

Именьковская группа прекращает свое существование где-то на рубеже VII и VIII вв. в силу невыясненных причин¹¹, однако вряд ли можно категорически говорить о переселении ее носителей в Среднее Поднепровье, как это делает В. В. Седов. Такое переселение, безусловно, вызвало бы появление многочисленных археологических памятников нового типа (в Волго-Камском бассейне ныне насчитывается более 600 именьковских поселений и могильников) на Левобережной Украине, чего не случилось. Таким образом, нельзя безоговорочно принять такую гипотезу, точно так же, как и тезис о «рассеянном расселении» именьковцев «на ...территории от средних течений Псла и Ворсклы на юге до Брянска на севере, заселенной племенами пеньковской и колочинской культур»¹². Этому противоречит и то обстоятельство, что волынцевские памятники несравнимо (около 100) уступают именьковским; к тому же, наиболее значительные волынцевские древности распространены именно в лесостепной зоне Левобережной Украины, в районах же с выраженным лесным ландшафтом (каким является Брянское Подесенье) встречаются исключительно отдельные элементы, в частности, характерная волынцевская керамика гончарного производства.

Дискуссионным остается и этническое содержание именьковской культуры, что стало предметом семинара, посвященного именьковской проблематике в г. Болгары (1993 г.), на котором В. В. Седов изложил свое видение этого интересного культурного явления; славянская принадлежность какового, по его мнению, несомненна¹³.

Выше было показано, что гипотеза В. В. Седова относительно происхождения волынцевских древностей базируется на весьма шатких основаниях и, не будучи подкрепленной археологическими материалами Левобережной Украины, не может быть принятой в ее настоящем виде: вряд ли возможно решать вопросы происхождения волынцевских памятников на основе случайного совпадения их некоторых черт с определенными признаками именьковской культуры. Кстати, немалым ранее уважаемый исследователь также категорически высказывался в пользу автохтонности волынцевских древностей в Среднем Поднепровье, усматривая в их специфике влияние местного ираноязычного этнического субстрата¹⁴. Последнее, по моему мнению, представляется более исторически вероятным, нежели современные конструкции известного специалиста по раннеславянско-балтской археологии.

Конечно же, было бы ошибочным напрочь отбрасывать факты микромиграций различных племен в Евразии в послегуннское время, в тех условиях нестабильности, конец которой положило лишь возникновение Хазарского каганата в 30-е гг. VII в. (М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев, А. П. Новосельцев)¹⁵. До этого момента господствующим этносом в степях Причерноморско-Каспийского бассейна были многочисленные тюркоязычные племена, которые активно ассимилировали реликтовое скифо-сарматско-готское население данного региона. В лесостепной зоне последнее подвергается ассимиляции со стороны славян, археологическим выражением этого процесса стало сложение ПНК, в котором принял участие и какой-то тюркский элемент. Славянизация балтских племен, обитавших к западу и северо-западу от Днепра привела к образованию АК, в том числе и КЛК, ареал которой распространился на верховья Сейма, Псла, Ворсклы и Северского Донца, в то время как низовья этих рек были заняты пеньковскими памятниками, достигавшими Среднего Посулья на западе Днепровского Левобережья. Обе эти культуры имеют много общих черт, что легко объяснимо их общим происхождением от киевской культуры (Е. А. Горюнов, Р. В. Терпиловский)¹⁶ (рис. 1, 2—4).

Мне представляется, что не будет чрезмерно смелым предположение об участии левобережных славян в общеславянском движении в Подунавье и на Балканы в VI—VII вв. Видимо, к этому времени относятся и появления этнонима «северяне». Здесь не лишне привести мнение известного лингвиста О. Н. Трубачева, согласно которому в древнем славянском языке «...«северный»,

тождественное нашему «левый», было ...актуально и для географической ориентации региона и для номинации. Последнее уместно вспомнить в связи со среднедунайскими северянами, которые одновременно были и дунайским левобережным племенем»¹⁷. При таком толковании не нужно искать истоки племенного названия славян Левобережной Украины в ираноязычной топонимике Северного Причерноморья или в тюркской этнонимии, как это делали М. Фасмер и Л. Н. Гумилев¹⁸. Можно полагать, что именно их встретил Аспарух в момент переселения праболгарской орды из приазовских степей в бассейн Дуная, о чем пишут, опираясь на один и тот же источник, Феофан и Прокопий. Переселенческая политика Аспаруха по отношению к северянам вынуждает их возвратиться на прародину, то есть Левобережную Украину, где они создают мощный племенной союз, ставший одним из слагаемых этнической основы Киевской Руси.

Не менее важные политические события происходят в это время (VI—VII вв.) и в причерноморских степях, где создаются две военно-политические группировки тюркских племен, известных как союзы утигуров и кутургуров. В самих названиях этих союзов нетрудно видеть указание на их угро-финское происхождение, что позволяет предполагать тюркизацию угро-финских племенных образований еще на их прародине в Северном Казахстане, откуда гунны увлекают их на Запад. Здесь на юге Восточной Европы они вместе с ассимилированными аланами, средневековым полиэтничным населением Крыма со временем создают СМК, которая становится «государственной» (по выражению С. А. Плетневой) культурой Хазарского каганата. Однако при господстве собственно хазар преобладающим этносом в этом государстве были тюрки-булгары вместе с тюркизированным ираноязычным населением Северного Причерноморья и угро-финами. Здесь уместно напомнить, что сам этноним «*vulgares*» латиноязычного Хронографа под 354 г. известный востоковед А. П. Новосельцев склонен переводить как «смешанные угры»¹⁹. Это, по моему, однозначно говорит о большом удельном весе последних в образовании Великой Булгарии. После ее разгрома новосозданным Хазарским каганатом и откочевки орды Аспаруха в Подунавье (60—80 гг. VII в.) его братья со своими родами продолжают кочевать на юго-востоке Украины; видимо их потомков упоминает Нестор под именем «черных болгар» в названных землях в X в. Не исключено, что какая-то часть болгар Батбаяна под давлением хазар вынуждена была отступить на запад, точнее, в Левобережное Лесостепье в конце VII или в самом начале VIII вв.

Здесь, на Левобережной Украине, расселившись компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, они стали своего рода консолидирующим элементом северянского окружения. Материальным свидетельством именно такого развития событий является наличие мощного культурного импульса, который наиболее выразителен на волынцевском этапе ВРК, хотя фиксируется уже в материалах позднепеньковских памятников (конец VII в.) Лесостепного Левобережья²⁰. Наиболее ярко действие этого импульса прослежено в материалах многолетних раскопок автора (1984—1992 гг.) на Битицком городище в бассейне р. Псел, которое является единственным укрепленным поселением среди волынцевских памятников, где с рубежа VII—VIII вв. мирно сосуществуют две этнически различные, с разным хозяйственным укладом, традициями домостроительства и бытовыми привычками, группы его обитателей²¹.

Здесь акцентируется именно понятие «культурный импульс», поскольку его употребление исключает перенесение археологической культуры в «готовом» виде, в целом, откуда-то извне. Кроме того, действие такого импульса было недолговременным, а его черты не очень стойкими, получив отражение только в своеобразной керамике, технология изготовления которой, как, собственно, и техника, и элементы орнаментации были позаимствованы в среде полиэтничного населения городов Причерноморья и Крыма, но ни в коем случае не в Волго-Камском бассейне, где напрасным было бы искать их прототипы. Носители этого неславянского культурного импульса быстро ассимилируются славянской (северянской) средой: инокультурные черты слабо ощутимы в материальной

культуре памятников раннего периода роменского этапа ВРК и становятся вообще неуловимыми на его финальной стадии (рис. 1, б).

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с инородным культурным импульсом локального значения, а не с таким универсальным явлением, какими для восточных славян были провинциально-римские культурные влияния, вызвавшие формирование ЧК в первой половине I тыс. Безусловно, эти влияния были гораздо более сложным, мощным и долговременным явлением, хотя также являлись чужеродными в имманентном развитии славянского общества; их воздействие прекращается вместе с гибелью культурно-генерирующего центра, каковым служила Римская империя. Ее крах стал одной из причин исчезновения ЧК, но никак не населения, которое она представляла на протяжении III—V вв.

Однако обратимся к славянам Днепровского Левобережья. Здесь со второй половины VIII в. открытые поселения северян (Битицкое городище — исключение) волынцевского этапа ВРК повсеместно сменяются укрепленными; меняется и их топография, будучи подчиненной прежде всего задачам обороны. Это было несомненно вызвано давлением воинственных носителей СМК, которые осуществляли экспансию Хазарии по отношению к славянам Левобережной Украины, в результате которой под властью каганата оказались вятичи соседних бассейнов Дона и Воронежа, северяне и радимичи, обитавшие вдоль левых притоков Днепра. В сообщении начальной летописи о подчинении хазарами радимичей, вряд ли речь идет об их племенной территории, располагавшейся в бассейне Сожа, к северо-западу от Киева. Упомянув здесь полянский военно-административный центр, хочется подчеркнуть, что демонстрация полянами решимости противостоять хазарскому господству (имеется в виду так называемая «дань» мечами), логически исключает дальнейшее продвижение хазар на западные и северо-западные славянские земли. Между тем, некоторые специалисты²² принимают на веру сообщения летописи о владычестве Хазарии над полянами и посожскими радимичами, с чем трудно согласиться. Скорее, хазарской данью были обложены («по щелягу с рала», «по бѣли и веверице с дыма») вместе с северянами и вятичами радимичские колонисты, переселившиеся с племенной территории в верховья Сейма и Псла еще до VIII в. (колочинские памятники в Курско-Белгородском Посемье). Последние были интегрированы в северянской среде на волынцевском этапе ВРК, а их носители-радимичи, череполосно расселившись с северянами на славяно-салтовском пограничье, разделили с ними и превратности судьбы, то есть, хазарское господство.

Со второй половины VIII в. цепочки северянских городищ на отрогах коренных берегов левых притоков Днепра, характерные для роменского этапа ВРК, защищавшие практически всю территорию Левобережной Украины, сложились в несколько линий обороны, которые объективно препятствовали проникновению кочевников во внутренние восточнославянские земли. Уже первые Рюриковичи хорошо осознавали стратегическое значение этого региона и его жизненную важность для своего государства и не преминули прибрать к рукам его население. Именно об этом, видимо, идет речь в известиях летописи об освобождении северян и радимичей Олегом под 884 и 885 годами. Однако допускаю, что в этом случае от хазарской дани освобождается лишь западная часть левобережных славян: восточные северяне и радимичи вместе с вятичами остаются под хазарской властью вплоть до последней трети X в. Это обстоятельство находит подтверждение в обороте восточной монеты на землях славян «хазарской группы» (В. А. Пархоменко). И совсем не удивительно, что именно на территорию Днепро-Донского междуречья приходится три четверти всех ныне известных кладов и отдельных монет, датированных с начала VIII и до 70-х гг. X в., то есть, временем хазарского доминирования в Северном Причерноморье, конец которому положили походы Святослава (964—965 гг.).

Между тем существует мнение, согласно которому Олегом были освобождены все северяне и радимичи²³, на которых киевский властитель наложил дань «легку», что как-будто бы говорит о едва ли не добровольном вхождении названных племен в состав древнерусского государства. Все же в конце 30-х гг. X в. они отпадают от Киева²⁴. В этих отпавших никак нельзя видеть западных северян и посожских радимичей, поскольку их земли были включены в границы «Русской земли в узком смысле» и, таким образом, находились в пределах вели-
«Археология», № 2, 1998 г.

кокняжеского домена. Вероятнее считать, что от Киева отделились не столь давно присоединенные левобережноднепровские славяне, находившиеся в непосредственной близости с хазарскими владениями; их окончательное подчинение осуществил Владимир Святославич в 80-х г. X в.

Проводя политику экспансии относительно славян и в какой-то степени их эксплуатацию в форме дани, Хазарский каганат вместе с тем сыграл исторически положительную роль, являясь с одной стороны фактором относительной политической стабильности в степях Черноморско-Азовского бассейна, и значит, заслоном от кочевых племен, а с другой — одновременно и носителем внешней опасности, само преодоление которой послужило одной из предпосылок образования Киевской Руси²⁵.

Разгром Хазарского каганата вызвал обострение внешнеполитической ситуации на юге Восточной Европы, сделав актуальной опасность со стороны печенегов. Это принудило Владимира к строительству новых и реконструкции уже существовавших северянских городищ-крепостей на восточных границах своего государства и усилению их гарнизонов путем «нарубания мужь лучших» в других племенных землях. Археологически это обстоятельство нашло подтверждение в находках предметов личного убора кривичей, радимичей, вятичей, голяди, чуди наряду с северянскими племенными украшениями в левобережных некрополях²⁶.

Переселенческая политика Владимира преследовала двоякую цель: с одной стороны она была направлена на усиление обороны на восточных рубежах, а с другой — способствовала разрушению родо-племенных отношений, социально-экономической и культурной нивелировке населения в пределах всего древнерусского государства.

Подводя итоги данной работе, можно утверждать, что археологические исследования памятников населения Левобережной Украины, позволяют усматривать в нем восточнославянский (древнерусский) этнический массив с близкой по сравнению с обитателями центральных районов славянского расселения материальной и духовной культурой: имеющиеся отличия в археологически культурном отношении не относятся к существенным сторонам представляющих их древностей.

В племенном отношении левобережные славяне являлись преимущественно северянами, но с определенными племенными включениями, имевшими место в результате упомянутой переселенческой политики киевских великих князей. Не приходится также отрицать и наличие в северянской среде некоторых этнических слагаемых СМК, в частности алан-асиев и каких-то тюркоязычных (вероятнее всего, праболгарских) элементов. Однако, в условиях становления древнерусского государства все эти инородные компоненты славянского населения Левобережной Украины довольно быстро интегрируются. Последнее относится и к половцам, которые к началу XIII в. не только в общих чертах усвоили древнерусскую культуру, а и в значительной степени христианизировались.

Подтверждением осознания территориального единства, духовной и национально-культурной общности населения всех древнерусских земель вообще и обитателями Левобережной Украины в частности, является «Слово о полку Игореве», в котором, казалось бы, локальная акция — неудачный поход на половцев чернигово-северских князей воспевается как событие общерусского значения. Это блестяще показал Б. А. Рыбаков в одной из своих монографий, посвященных этому сюжету истории Древней Руси²⁷.

Таким образом, анализ письменных источников, антропологических, археологических и лингвистических материалов, позволяет говорить не только о наличии славянского (северянского) и древнерусского населения вне пределов линии государственной обороны к востоку в Левобережноднепровском Лесостепье. Можно утверждать также и существенное влияние его на иноэтнические образования, которые нашли отражение в процессе оседания кочевников на землю, усвоении ими культурных и экономических достижений Киевской Руси.

Примечания

¹ Приведу лишь некоторые работы из обширного творческого наследия Б. А. Рыбакова, имеющие прямое отношение к теме: Анты и Киевская Русь // ВДИ.— 1939, № 1; Поляне и Северяне // СЭ.— 1947, VI—VII; Древние Русы // СА.— 1953, XVII; Русь и Хазария // Сб. статей в честь акад. Б. Д. Грекова.— М., 1958; Первые века русской истории.— М., 1964.

² *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982; *Седов В. В.* Славяне в древности.— М., 1994.

³ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л., 1981; *Тертиловський Р. В.* Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н. е.— Автореф. дис. ... докт. іст. наук.— К., 1994; *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.— К., 1985; *Тертиловський Р. В.* Колочинская культура // Там же.

⁴ В самом названии этого левого притока Днепра нетрудно видеть имя его славянских обитателей.

⁵ *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь.— М., 1992.— С. 16.

⁶ *Артамонов М. И.* Вопросы расселения славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории.— Л., 1967.— С. 29—70.

⁷ *Брайчевський М. Ю.* Походження Русі.— К., 1968.— С. 170.

⁸ *Сухобоков О. В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст.— К., 1992.— С. 6—57.

⁹ *Седов В. В.* Славяне в древности.— С. 315; *Седов В. В.* Очерки археологии славян.— М., 1994.— С. 128; *Приймак В. В.* Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. XI ст.— Суми, 1994.— С. 11.

¹⁰ *Генинг В. Ф.* Селище и могильник с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии // МИА.— 1960.— № 80; *Смирнов А. П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских булгар // Историко-археологический сборник МГУ.— М., 1962.— С. 161.

¹¹ *Старостин П. Н.* Памятники именковской культуры // САИ.— 1967.— Д—I—32.— С. 30—32; *Халиков А. Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Межвузовский сборник статей.— Куйбышев, 1986.— С. 90—105; *Матвеева Г. И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н. э. // Там же.— С. 158—172.

¹² *Седов В. В.* Очерки археологии славян.— С. 59—64; *Седов В. В.* Славяне в древности.— С. 310—315; *Седов В. В.* Симпозиум «Проблема именковской культуры» (Болгары, 1993 г.) // РА.— 1994.— № 3.— С. 236—238.

¹³ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII ст.— С. 133, 134.

¹⁴ Там же.— С. 134.

¹⁵ *Артамонов М. И.* История хазар.— Л., 1962.— С. 466; *Гумилев Л. Н.* Указ. соч.— С. 19—25; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.— М., 1990.— С. 190—219.

¹⁶ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— С. 91; *Тертиловський Р. В.* Слов'яни Подніпров'я.— С. 24; Ср.: *Седов В. В.* Славяне в древности.— С. 316—318.

¹⁷ *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян // Славянская археология: этногенез, расселение и духовная культура славян.— М., 1993.— С. 31.

¹⁸ *Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тысячелетии н. э. // Проблемы этногенеза славян.— К., 1978.— С. 124—142; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.— М., 1978.— Т. 1.— 4; *Гумилев Л. Н.* Указ. соч.— С. 20—23.

¹⁹ *Новосельцев А. П.* Указ. соч.— С. 72.

²⁰ *Любичев М. В.* Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-«Археология», № 2, 1998 г.

Западной Хазарии в конце VII — начале VIII вв. // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник.— Харьков, 1994.— С. 87—1000.

²¹ Сухобоков О. В., Юренко С. П. Новое в изучении памятников волынцевского типа // Славянская археология: этногенез, расселение и духовная культура славян.— С. 121—135.

²² Плетнева С. А. Хазары.— М., 1986.— Карта на С. 47; Новосельцев А. П. Указ. соч.— С. 203.

²³ Толочко П. П. Древняя Русь.— К., 1987.— С. 24.

²⁴ Гумилев Л. Н. Указ. соч.— С. 474.

²⁵ Толочко П. П. Указ. соч.— С. 28; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства.— М., 1951.— С. 28—46.

²⁶ Моця О. П. Населения південно-руських земель IX—XIII ст.— К., 1993.— С. 159.

²⁷ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники.— М., 1971; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».— М., 1972.

О. В. Сухобоков

ЕТНОКУЛЬТУРНА ІСТОРІЯ ЛІВОБЕРЕЖНОЇ УКРАЇНИ І — ПОЧАТКУ ІІ ТИС.

Населення Лівобережної України в І — на поч. ІІ тис. н. е. представлено пам'ятками ряду археологічних культур. Автором досліджуються питання їх розвитку, взаємодії та зміни у складному процесі формування східнослов'янського (давньоруського) етнічного масиву.

О. V. Sukhobokov

ETHNOCULTURAL HISTORY OF LEFT-BANK UKRAINE OF THE 1ST AND EARLY 2ND MILLENNIA

Population of the left-bank Ukraine in the 1st and early 2nd millennia A. D. is presented by a group of relics of certain archaeological cultures. The autor traces the problem of their development, interaction and modification in the difficult process of formation of the east-Slavic (old-Russian) ethnic massif.

З ПРИВОДУ ВІДСУТНОСТІ ДАВНІХ ІРАНСЬКИХ ГІДРОНІМІВ НА ТЕРИТОРІЇ ПРАВОБЕРЕЖНОЇ УКРАЇНИ

Є. В. Максимов

У статті наводяться археологічні матеріали, які дозволяють по-новому пояснити загадковий етноісторичний феномен — повну відсутність іраномовних річкових назв — гідронімів на території Дніпровського Правобережжя, де, зафіксовані історичними та археологічними джерелами, в VII—III ст. до н. е. безперечно перебували давні іраномовні народи — кіммерійці та скіфи.

Давні племена і народи, які, змінюючи один одного, мешкали на території України, залишили після себе пам'ятки матеріальної і духовної культури, представлені залишками поселень та могильників, що є важливими історичними джерелами. Крім цих джерел є ще один вид стародавніх пам'яток, це — топо-

© Є. В. МАКСИМОВ, 1998